

УДК 811.161.1'373.7

ДОБРАЯ И ЗЛАЯ ЖЕНА В МИРЕ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ**Т.А.Архангельская****GOOD AND BAD WIFE IN THE WORLD OF A RUSSIAN PROVERB****Т.А.Arkhanhelskaya***Университет им. Ф.Палацкого в Оломоуце, Чехия, anarchy-8@mail.ru*

Статья посвящена андроцентрическому характеру русских паремий о доброй и злой жене. Исследование сориентировано на стереотипы русского народного сознания. Изучены бинарные оппозиции и мотивационные признаки вербального образа доброй и злой жены в мире русской пословицы.

Ключевые слова: андроцентризм, языковое сознание, вербализация образа

The paper analyzes an androcentric character of Russian proverbs about a good and a bad wife. The research is based on the stereotypes of Russian national consciousness. Binary oppositions as well as motivational indicators of a good and a bad wife verbal image in the world of Russian proverb are examined.

Keywords: androcentrism, linguistic consciousness, verbalization of an image

Пословица — устойчивое, ритмически и грамматически организованное изречение, имеющее форму высказывания, в котором зафиксирован опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений [1]. Так, будучи неотъемлемой составляющей языкового культурного кода того или иного народа, пословицы отображают закрепленные в языке культурные установки и стереотипы, ситуационную категоризацию мира, его языковую картину. Несмотря на то, что изучение пословиц имеет богатейшую традицию, начиная от работ А.Веселовского, И.Снегирёва, А.Потебни и до В.Телии, Л.Савенковой, В.Фелицыной, Л.Морозовой, Г.Пермякова, В.Мокиенко и др., обращение к ним как бесценной сокровищнице «золотых правил» и культурных смыслов всегда актуально: они были и остаются в центре внимания филологов, этнологов, фольклористов и в новом тысячелетии.

В настоящей статье ставим своей задачей проследить, каким образом в картине мира, закреплённой в языке пословиц, отражен антропоцентрический и андроцентрический характер паремийной семантики, в какой мере в пословицах о злой и доброй жене от-

ражается действительность, непосредственно связанная с женой и с мужем, насколько мужское доминирование в культуре коррелирует в пословицах с видением мира мужа, с характеристикой различных свойств его личности, ведь оценка жены (женщины) в пословицах чаще всего дается с точки зрения ее супруга.

Немаловажной характеристикой пословичной картины мира является также противопоставление, контраст, наличие в ее структуре универсальных бинарных оппозиций. Е.И.Селиверстова считает бинарную оппозицию основой многих паремиологических единиц и называет ее универсальным способом отражения окружающего мира [2]. Частотные лексические пары, нередко представленные в пословичном пространстве, составляют семантическое ядро паремий. Е.И.Селиверстова называет их «паремийными биномами». Вслед за Н.Ф.Алефиренко Е.И.Селиверстова полагает, что в регулярности некоторых биномов проявляются стереотипы языкового сознания [3]. Наиболее ярким примером бинома в семантической реализации пословиц о женщине является бином «муж —

жена». Вместе с тем, следуя андроцентрическому характеру паремийной семантики, этот бинном характеризует жену в социальном пространстве мужа (ср.: *Птица крыльями сильна, жена мужем красна; Красна пава перьем, а жена мужем; Жена без мужа — всего хуже; Жена при муже хороша; У умного мужа и глупая жена досужа*).

Анализ русских пословиц, содержащих в своей структуре бинминальную пару «муж — жена», позволяет уточнить мотивационные признаки вербального образа злой и доброй жены, «природу, характер и истоки» злого и доброго в жене (женщине), определить роль этих качеств в жизни мужа, семьи и общества в целом, выявить возможные противоречия, парадоксы, заключенные в интерпретации этих противоположных характеристик жены в русском паремическом фонде.

Неразрывная связь формы и содержания пословицы обусловлена не только закрепленностью, но и обобщенностью ее значения, т.е. внеличностной и вневременной направленностью характеристик и признаков. Формальными средствами выражения обобщенности пословичной структуры выступают лексические группы, лишенные способности конкретизировать ее содержание. В основе формы паремии лежит ассоциативно-образный мотивирующий комплекс семантических доминант, организующий комплексное содержание пословицы. Эти доминанты предопределяют содержание последующих компонентов формы, которая эту целостную семантику в языке вербально воплощает.

Системные, в том числе и ассоциативные контрастные связи характерны для структуры многих пословиц, они создают образность и усиливают экспрессию. Само слово *ассоциация* (от лат. *associare* — соединять) уже само по себе предполагает знание того, с какими иными объектами окружающего мира в сознании русского народа соединяется, или объединяется, добрая / злая жена. Ученые считают, что в нашем сознании существуют особые ассоциативные поля, которые обусловлены «внеязыковыми связями денотатов и внутриязыковыми связями слов» [4], а все эти элементы связаны ассоциативной связью со стимулом-идентификатором, расположенным в центре поля. По Ю.Н.Караулову, для реализации ассоциации существует необходимое условие — существование семантической связи: если есть семантическая связь, есть и ассоциация [5]. Форма пословиц о доброй и злой жене во многих случаях опирается на ассоциативную связь с ее компонентами, которые могут и далее включаться в цепи противопоставлений, образуя ассоциативно-семантические подгруппы.

Злая жена в лингвокультурологическом сознании носителей русского языка ассоциируется, прежде всего, **со стихийным бедствием, разрушением, деструкцией**: *От пожара, от потопа и от злой жены, боже, сохрани!; Сварливая жена — в доме пожар; Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит; болезнью, старостью, умствен-*

ным недугом: *Худая жена — лишняя сухота; От плохой жены состаришься, от хорошей помолодеешь; Злая жена сведет мужа с ума; наказанием, карой господней: Худая жена — кара господня; Сварливая жена — кара господня; грехом: Не пройдет без греха, у кого жена лиха; Злая жена — мирской мятееж!; Злая жена — поборница греху; Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила, домой принесла. Ассоциативный ряд, связанный с представлением о злой жене включает и соотношения «чем злая жена — лучше бедность»: *Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; «чем злая жена — лучше тяжелый, изнуряющий труд»: Лучший камень долбить, нежели злою жену учить; Лучшее железо варить, чем со злою женой жить.**

Злая жена в паремийном фонде русского языка представляется зачастую как «**высшая мера зла**»: *Злая жена — злее зла; Всех злее злых злая жена; Силен хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена (и спать не дает); Перед злой женою сатана — младенец непорочный; Всех злыдней злее жена злая; За черта отдай ее, и того уходит (переживет).* От злой жены, согласно пословицам, **нет спасенья**: *От злой жены не спасешься; От иной жены — хоть о надолбу головой; От злой жены одна смерть спасает да пострижение; Злая жена — засада спасению; От злой жены не уйдешь.*

Многие русские паремии о злой жене содержат в своей семантической структуре словарную метафору. Лихая, сварливая, худая жена ассоциируется в пословичном фонде **со змеей**: *Злая жена — та же змея; Из дому жена, а из лесу змея (выживает); Лучше жить со змеею, чем со злою женою; червем: Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит.* В пословицах о злой жене можно проследить следы мифологического мировоззрения. Ассоциативная связь «**злая жена — нечистое (дурное) растение**» реализуется в пословицах: *(Жена) как худая трава, только ноги оплела; И моя жена крапива, да и на нее мороз пал; Добрая жена — веселье, а худая — злое зелье.*

Следуя андроцентрическому характеру паремийной семантики, оценка доброй жены в браке часто дается с точки зрения мужа: *У милостивого мужа всегда жена досужа; У умного мужа и глупая жена досужа; Жена мужу — пластырь, муж жене — пластырь; Жена при муже хороша.* Добрая жена в понимании русскоговорящих является **предметом гордости, украшением своего мужа**: *Муж жене — отец, жена мужу — венец; Добрая жена — мужней голове корона; Добрая жена и муж честен.* Она наполняет жизнь мужа **радостью, весельем, облегчает жизнь мужа в горе**: *С доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойне; Добрую жену взять — ни скуки, ни горя не знать; С доброй женой сполагоря и горе; Добрая жена — веселье, а худая — злое зелье.*

В лингвокультурологическом сознании носителей русского языка добрая жена ассоциируется с

такими личными качествами как **верность**: *Три друга: отец, да мать, да верная жена; В остатках вольна, была бы мне полна*; **благое поведение**: *Мужа чтут за разум, жену по уму (т.е. за доброе поведение)*; **послушание, домоседство**: *Доброй жене домоседство не мука. Доброе замужество — посхименение*. Важной составляющей образа доброй жены является и ее **красота**: *Всего милее, у кого жена всех белее*.

Особая роль в пословичном фонде русского языка отведена паремиям, описывающим домашние, семейные обязанности доброй жены. Издавна основной ролью женщины считалось умение заботиться о муже, семье, быть хранительницей домашнего очага. В русском паремийном фонде обнаруживается немалое количество пословиц, связанных такими положительными качествами доброй жены, как **домостройство**: *Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт; Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет (растрясет); Хорошая жена — юрт (т.е. дом); Не наряд жену красит — домостройство*; **хозяйственность**: *Добрая жена хозяйству научает, а злая — от дома отлучает; У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит; Выбирай жену не в хороводе, а в огороде*; **умение хорошо готовить**: *От хозяина должно пахнуть ветром, от хозяйки — дымом; Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи!; Мужик клином, баба блином, а тож доймет*; **бережливость**: *Муж возом не навозит, что жена горшком наносит; Умная жена, как нищему*

сума (все сбережет); Хорошая жена — метла, и худая — метла (та в дом, эта из дому метет).

Исследование русских паремий как основных параметров национальной культуры в рамках тематической группы «злая / добрая жена», а также вербальная реализация ассоциаций, спроецированная на форму многих русских пословиц о женщине в браке, демонстрирует специфику мировидения и мировосприятия русским народом того, каким образом должна быть обустроена традиционная семья.

1. Русский язык: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 219.
2. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: ООО «МИРС», 2009. С. 191.
3. Там же. С. 194.
4. Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. С. 33.
5. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. С. 180.

References

1. Russkij jazyk: Enciklopedija [The Russian language: Encyclopedia]. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1979, p. 219.
2. Seliverstova E.I. Prostranstvo russkoj poslovice: postojanstvo i izmenchivost [The space of Russian proverbs: Permanence and mutability]. Saint Petersburg, MIRS Publ., 2009, p. 191.
3. Ibid., p. 194.
4. Polevye struktury v sisteme jazyka [Field structures in the language system]. Voronezh, Voronezh university Publ., 1989, p. 33.
5. Karaulov Ju.N. Obshhaja i russkaja ideografija [General and Russian ideography]. Moscow, Nauka Publ., 1976, p. 180.